

тских законов по сравнению с другими законами древнего Востока можно говорить? Еще одно замечание, также относящееся к хетто-субарам. В учебнике очень туманно сказано: «В художественной литературе (у хеттов.— И. Б.) отмечено существование древнейшего эпоса о Гильгамеше, возникшего и сложившегося на почве самобытной культуры Передней Азии» (стр. 21). У учащихся средней школы может создаться впечатление, что поэма о Гильгамеше связана с хетто-субарами. Между тем в учебнике и пособиях по истории древнего мира они будут читать, что эпос о Гильгамеше был создан в Вавилонии и корнями уходит в шумерийскую древность. В учебнике основные насельники Урарту именуется «халдами», причем в специальном эссе (стр. 37—38) ведется целая полемика в защиту этого названия. Как известно, в нашей науке более принято наименование «урарты». Снова приходится подчеркнуть неправомерность категорического утверждения автора, что этническая принадлежность халдов бесспорна, что они принадлежат к грузинской группе. Вопросы этногенеза требуют более углубленного и обоснованного рассмотрения.

Глава II учебника «Рабовладельческие государства Грузии античного периода» (§§ 7—21) принадлежит к числу наиболее удачных. Здесь дано обоснованное и четкое определение социально-экономического строя грузинского рабовладельческого государства. Нам уже приходилось раньше особо отмечать, что положения, убедительно развитые наиболее компетентным грузинским историком, выгодно отличаются от противоречивых суждений о социально-экономическом строе древней Грузии, которые еще до сих пор имеют хождение в нашей исторической и историко-правовой литературе¹. Более сложным является вопрос о времени образования государств на территории Грузии. В учебнике образование царства Иберии относится в VI в. до н. э., а возникновение государства колхов, по видимому, даже к более раннему времени. В учебнике сказано: «Мы еще не знаем, когда именно возникло государство колхов. Древнегреческие писатели упоминают о нем с VI века до н. э.» (стр. 53). При этом в учебнике указывается, что деление Закавказья на государства в VI в. до н. э. описано знаменитым греческим историком Геродотом (стр. 52). Но не надо забывать, что у Геродота говорится только о племенах и народах, а не о государствах. В § 16 «Общественный строй Грузии к началу I в. до нашей эры» надо отметить удачную интерпретацию известного описания Иберии в «Географии» Страбона. Здесь акад. Джанашиа уточнил и конкретизировал данные Страбона, сопоставляя их с другими источниками. Известно, что Страбон при характеристике социального строя Иберии, наряду с реальными чертами, прибегал к условному и искусственному шаблону деления на «4 периода», присущему исторической и политической литературе эллинистической эпохи².

В главе III, трактующей о раннефеодальных отношениях в Грузии, мы не находим вполне четкого определения условий и времени происхождения феодальных отношений как в Колхиде, так и в Картли. В учебнике говорится, что к концу I в. н. э. на территории Колхиды образовался ряд мелких княжеств. И далее заявляется: «Захирение древнего Колхидского царства явилось следствием распада рабовладельческого уклада в стране. Конец его существованию положили Понт и Рим. Новая государственность создавалась здесь в дальнейшем уже на новой основе» (стр. 83). В этих неопределенно сформулированных фразах нет, в сущности, ни объяснения причин столь раннего распада рабовладельческого уклада в Колхиде, ни точного определения, когда и при каких условиях создавалась государственность на новой основе. Не дает необходимого ответа и § 26 — «Образование царства Лазики». Тут рассказывается об объединении Лазским княжеством Западной Грузии. На стр. 101 учебника мы читаем: «В IV веке владетельный князь лазов значительно расширил пределы своего княжества. Князья ансиров, абазгов и других, более мелких племен превратились в вассалов лазского владетельного дома. К концу IV века лазский князь подчиняет себе и сванов. Так возникло новое царство, которое римляне называли Лазикой...» Здесь налицо кон-

¹ ВДИ, 1948, № 1, стр. 114.

² См. А. И. Болтунова, Описание Иберии в «Географии» Страбона, ВДИ, 1947, № 4, стр. 152—157.

статирование исторических фактов, но нет определения социально-экономического строя и «государственности на новой основе» в Лазике, если не считать упоминания о «вассалах».

Больше места уделено в учебнике процессу феодализации в Картли. К сожалению, и здесь нет уточненных хронологических определений. В учебнике сказано: «Это новое общественное устройство приняло более определенные формы в Картли к началу IV века. К этому времени знатные, или азнауры, превратились в довольно внушительную общественную силу, но полная победа феодализма в Грузии пришла несколькими веками позже» (стр. 90). Сам процесс становления феодализма оказывается очень растянутым. В § 41 рассказывается об освобождении к концу VI в. Картли от персов и об образовании Картлийского княжества (эризмтаварства). И вот тут мы читаем: «Так возникла в Картли феодальная организация управления страной, сложилось феодальное государство, занявшее место древней рабовладельческой государственности» (стр. 133—134). Нам представляется, что сложный процесс развития феодальных отношений в Грузии (с учетом локальных особенностей) надо было дать в более систематизированном изложении, не дробя его и более уточняя хронологические рамки.

Сказанным мы и ограничим наши основные замечания по поводу нового издания учебника истории Грузии. Достоинства этого труда — одного из лучших учебников по истории народов СССР — получили общее признание, и нет нужды вновь на них останавливаться. Позволим себе лишь указать, что в учебнике Митридат VI почему-то все время именуется Митридатом IV (стр. 62, 63). Отметим также на стр. 42 (18 строка сверху) опечатку — напечатано: «с IX века до н. э.» — надо: «с IV века до н. э.».

Иллюстративный материал, как уже и ранее приходилось говорить, подобран превосходно. Замечательные археологические открытия на территории Грузинской ССР, сделанные в советское время, ярко отображены в учебнике. Редактор учебника, акад. С. Н. Джанашия, сам виднейший археолог и руководитель известной Мухетской экспедиции, обратил на эту сторону издания особое внимание. К сожалению, в новом издании учебника не помещены любопытнейшие реконструкции внешнего облика древних насельников Грузии (особенно по данным Мухетского могильника), сделанные М. М. Герасимовым.

Приветствуя новое издание пользующегося заслуженной популярностью учебника, мы не можем не напомнить Институту истории им. акад. Джавахишвили АН Груз. ССР о необходимости скорейшего опубликования полного курса «Истории Грузии», о создании которого говорится в предисловиях и к 1-му и к 2-му изданиям учебника.

Проф. И. Н. Бороздин

Н. Я. БИЧУРИН (Накинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, т. I, 464 стр.; т. II, 333 стр.

Институт этнографии имени Миклухо-Маклая АН СССР взял на себя почетную задачу переиздания замечательного труда выдающегося русского востоковеда Н. Я. Бичурина. Выход в свет двух томов этой книги под редакцией С. П. Толстова совпадает со столетней годовщиной появления ее первого издания в 1851 г.

Работы Бичурина пользовались заслуженным успехом среди современников, и русская передовая общественность высоко оценивала их. Пушкин читал книги Бичурина, черная в них заинтересовавшие его сведения о восточных народах. Белинский от мечал в «Современнике» высокое достоинство бичуринских работ. Труды Бичурина печатались почти во всех русских журналах. Их переводили на иностранные языки и печатали за границей. Бичурин был избран членом-корреспондентом Академии наук в Петербурге и членом Азиатского общества в Париже. Славу трудам Бичурина обеспечило прекрасное знание китайского языка и китайской культуры, привлечение чрезвычайно широкого круга источников, ранее не известных, и широта освещаемой

тематики. По общему признанию современников Бичурин совершил целый переворот в китаеведении.

Глубокое сочувствие к китайскому народу, любовь и уважение к его культуре, отсутствие расовых и религиозных предрассудков характеризуют научное творчество Бичурина и делают его близким и понятным в наше время в СССР и в Китае. Но именно эти черты вызвали резкие нападки на него со стороны буржуазных ученых. На него обрушилось много тяжелых и незаслуженных обвинений, несмотря на то, что трудами Бичурина на протяжении многих лет широко пользовались ученые в России и за границей.

С расширением колониальных захватов, в условиях борьбы за раздел мира и его передел, когда сложилась система «...финансового порабощения и колониального угнетения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли»¹, труды этого выдающегося ученого подвергались еще большему осуждению. Буржуазная наука, прислужница империализма, старалась опорочить и предать забвению самое имя русского синолога, чьи взгляды так резко расходились с колониальной политикой империализма. Поэтому рукописи Бичурина, оставшиеся после его смерти, так и не увидели света. Книжки его не переиздавались более. Биографы Бичурина писали о нем кратко и маловыразительно. Отмечая достоинства, они больше останавливались на недостатках его трудов. Никто не исследовал его творчества, не нашел ему места в развитии русской общественной мысли, не изучил его огромного научного наследства, не анализировал его взглядов.

Только в Советской стране научная и общественная деятельность Бичурина получила заслуженную оценку. Историки нашей Родины и востоковеды, историки Китая, этнографы и археологи черпали и черпают богатый материал для своих исследований в его трудах. Историкам, изучающим прошлое народов наших восточных союзных республик, удалось при помощи работ Бичурина разрешить совершенно не изученные и не разрешенные ранее вопросы. Так, С. П. Толстов, исследуя историю древнего Хорезма, нашел прямые подтверждения некоторым своим открытиям в трудах Бичурина. И не удивительно, что советские исследователи высоко оценили научное творчество этого многогранного и увлеченного своим делом ученого, представителя передового лагеря русской общественной мысли.

Наконец, Институт этнографии АН СССР взялся за научное переиздание книг Бичурина, и выбор пал на один из интереснейших трудов: «Собрание сведений...». Это была последняя из больших работ ученого, увидевших свет. В предисловии он отметил, что в течение многих лет собирал и обрабатывал для нее материалы. Исследователя привлекла мысль осветить историю народов, имевших в древности связь с предками русского народа или обитавших на границах России. Привлекала его и широта избранной темы, и возможность правдиво осветить прошлое мало известных племен. Автора также влекло стремление проследить внешние связи Китая, начиная с глубокой древности, показать обширность этих связей и тем разрушить легенду о вечной замкнутости Китая, легенду, которую умышленно распространяли враги Китая из капиталистического лагеря, готовившие ему порабощение.

Понимая, что он самостоятельно не сможет добиться издания задуманного труда, Бичурин обратился за помощью в Академию Наук. 2 января 1846 г. он направил в Академию письмо, в котором объяснял цель своей работы, ее характер и посылал как образец свою статью по истории Кокайда. Получив согласие и перечень конкретных пожеланий, Бичурин приступил к работе и в 1847 г. представил ее на отзыв в Академию. После получения самых положительных отзывов он взялся за окончательную обработку книги².

Основой работы Бичурина стали главным образом так называемые «династийные» истории. Это были колоссальные сборники летописей, исторических, биографических, экономических и других материалов, охватывавшие время царствования какой-либо

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 94.

² Архив АН СССР, фонд I, опись 2, § 30, 13, 126.

одной династии. Много материала было почерпнуто из «Исторических записок» выдающегося китайского историка Сыма Цяня. В годы жизни и деятельности Сыма Цяня (II—I вв. до н. э.) древняя китайская империя Хань вела обширные внешние войны, и именно в это время китайцами был открыт путь на дальний Запад. Естественно, что Сыма Цянь располагал прекрасным материалом о различных племенах и народах, проживавших иногда даже далеко от Китая. Вторым крупным трудом, послужившим источником для работы Бичурина, была «История ранней ханьской династии», написанная в I в. н. э. Бань Гу, его отцом и сестрою. Брат Бань Гу совершил значительный поход на Запад и оставался там довольно долго, поэтому сведения о западных народах, использованные историком, были и обширны и достаточно достоверны.

Кроме того, Бичурин отобрал из отделов «лэчжуань» (биографии) историй других династий, кончая «Таншу» (историей династии Тан), главы, посвященные не китайским племенам, народам и государствам. Все собранные варианты Бичурин перевел, сверил между собой и дополнил отдельные места из многотомной истории-летописи «Цзыжи тун цзянь ганму».

Бичурин подразделил весь свой труд на три части и каждую на «отделения». Первая часть (книга I) называется «Центральная Азия и Южная Сибирь» и состоит из введения, обзора источников, алфавитного указателя собственных имен, восьми отделов и заключения от автора. Вторая часть (книга II) носит название «Манчжурия, Корея и Япония». Она состоит из вступления, семи отделов и «прибавления» о царстве Бохай. Наконец, третья часть «Средняя Азия и Восточный Туркестан» состоит из шести отделов.

Сведения о том или другом народе, собранные из разных источников в I книге своего труда, Н. Я. Бичурин объединил, расположив их в хронологическом порядке и датируя (следом за китайскими летописями) по царствованиям. Все эти данные он снабдил некоторыми историческими и географическими пояснениями. Столь огромный труд мог быть выполнен Бичуриным благодаря тому, что он был не только блестящим знатоком китайского языка, но совершенно исключительно владел языком китайских исторических источников.

«Сведения о народах...» охватывают историю племен и государств, обитавших на территории Западного Китая (Синьцзяна), Средней Азии, Монголии, Тибета, Южной Сибири, а также Манчжурии, Кореи, Японии¹. Они распределяются следующим образом.

Часть I: отдел I посвящен истории гушнов (с III в. до н. э. по IV в. н. э.); отдел II — истории Ухуань (I в. до н. э. — III в. н. э.); отдел III — истории двух племенных союзов сяньби (с I по V в.); отдел IV — истории Жуань Жуань (с IV по VI в.); отделы V, VI и VII — истории племен Хайху (с IV по IX в.) и VIII отдел — истории Киданей (VII—IX вв.).

Часть II: отделы I и II освещают историю Чаосяна (Корея) (III—II вв. до н. э.) и взяты из разных источников. Отделы III—VII носят название «Повествование о восточных иноземцах». Они подразделяются по своим историческим источникам и содержат сведения об истории корейских царств и племен, обитавших в Манчжурии и Японии между I и VII вв. н. э.

Часть III состоит из шести отделов, из которых первый включает в себе «Повествование о Давани», а остальные пять — «Повествование о Западном крае». Эта часть содержит сведения об огромном количестве племен и народов. Среди них приводятся отрывочные сведения о Северной Индии VII в., о Непале, Кашгаре, Хатане, Персии и других странах. Кроме того, в книгу включены сведения о китайских путешественниках, о походах китайских войск в Среднюю Азию, в Тибет, Индию, Корею; в них приведены выдержки из докладов китайских чиновников, из императорских эдиктов

¹ Во II книге сведения об отдельных народах расположены не в хронологическом порядке, а по источникам, откуда они взяты. Повидимому, у Бичурина уже не было сил обработать этот материал так, как он это сделал для первой книги.

и пр. В целом в книге охвачен период между III и IX вв. н. э.; отдельные сведения освещают как более ранние, так и более поздние времена.

Части китайских историй, переведенные Бичуриным, содержат данные по самым разнообразным вопросам. Советские историки найдут здесь сведения о роде занятий различных племен, их социальном строе, быте, культуре, религии, военной организации, войнах, торговле и дипломатических сношениях с другими странами. Они найдут также материал для характеристики ранней ступени первобытно-общинного строя, данные о рабовладении и начале феодализма. Социально-экономический строй кочевого общества Центральной Азии и его эволюция отражены в истории гуннов, которая особенно подробно изложена в книге, а также в истории тюрок, жуужаней, тунгутов и пр. Материалы китайских летописей, собранные и переведенные Бичуриным, богаты фактами, характеризующими историю внешних сношений китайской империи и приемы сложной китайской дипломатии. По этим материалам можно проследить развитие внешней политики, нацеленной то на захват рабов-военнопленных для рабовладельческого общества, то на укрепление феодального государства, на оборону страны от кочевых нашествий или на подготовку завоевательных походов. Обширны также и сведения по истории войн, начиная со времени образования единой рабовладельческой империи в III в. до н. э. Разносторонне освещены события, связанные с открытием китайцами пути на дальний запад, так называемого великого шелкового пути, и установлением тесных торговых и культурных связей с народами Средней Азии.

Помимо глав о «варварах», Бичурин перевел биографию известного путешественника Чжан Цяня, отправленного с посольством к западным народам во II в. до н. э. и привезшего с собой обширные сведения о виденных им странах. Он перевел также биографию полководца Ли Гуанли, совершившего два похода из Китая в долину Ферганы¹. Остается сожалеть о том, что Бичурин привел мало материалов по биографии выдающегося полководца и дипломата Бань Чао, проведенного около 30 лет в Восточном Туркестане и в Средней Азии и возобновившего сношения между Востоком и Западом в I в. н. э. Приведены в книге также выдержки из описания Тибета и Индии посвятившим их китайским офицером и дипломатом Ван Сюаньцэ, а также многие другие сведения.

Хотя труд Бичурина состоит из переводов и автор говорит как бы языком китайских источников, но местами им сделаны ценные вставки, указано мнение переводчика по данному вопросу, приводятся комментарии или критика различных точек зрения. Более всего обращает на себя внимание резкая критика взглядов западноевропейских ученых, которые он решительно опровергает; значительно большего доверия, по мнению Бичурина, заслуживают персидские и другие среднеазиатские историки. Атенет и враг иезуитов, Бичурин категорически возражал против попыток западноевропейских ученых связать происхождение различных племен и народов с библейскими сказаниями. Так, на стр. 222—223 (том I) он прямо говорит, что Тюрка считают сыном Иафета «...для того, чтобы протянуть родословную домов, царствовавших до Ноя».

Бичурин своей работой поставил под сомнение сведения античных писателей о Средней Азии, сведения, принимавшиеся буржуазной наукой за неопровержимую истину. «Древние греческие писатели не все описываемое ими могли сами видеть: а если и видели что, то мимоходом» (стр. 9). Можно себе представить, какие яростные нападки в Западной Европе вызвало столь неуважительное отношение к античным классикам.

Бичурин открыл и доказал ценность китайских источников, обширность географических знаний, которыми обладали китайцы даже в далекой древности, и их умение собирать материалы. Достаточно просмотреть рассказ Чжан Цяня о том, что он видел во время своих поездок, какие торговые, военные и прочие сведения он собрал, чтобы убедиться в зоркости этого наблюдателя и в широте его взглядов. Выдержки из докладов императору ярко показывают, как хорошо китайские дипломаты знали положение на границах. Все это говорит об основательности китайских источников, что и дало

¹ «Повествование о Давани», книга II, часть III.

чивала и игнорировала труды Бичурина. Совершенно очевидно, что вопрос следовало поставить иначе. Надо было показать, как, порожа этого выдающегося сиолога за его передовые гуманистические взгляды, буржуазные ученые широко использовали и переписывали его работы. Жаль, что все это не нашло себе места в статье проф. Бернштама.

Вторая из вступительных статей, написанная Н. В. Кюнером, «Работа Бичурина над китайскими источниками для „Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена“» (стр. LVI—LXXXVI) ярко характеризует ту гигантскую работу, которая была осуществлена Бичуриным при создании книги. Проф. Кюнер, так же как Бичурин, считает, что китайская история «...содержит наиболее полные фактические материалы об указанных народах», что она является «...важнейшим источником сведений», что «... ни у нас, ни за границей не появилось труда, равного по объему и качеству перевода...» и т. д. (стр. LVI). Проф. Кюнер в своей статье отмечает высокое качество работы над переводом, в котором Бичурин не стремился к буквальной точности, а, схватывая смысл оригинала, выражал его в доступной для русского читателя форме. Чтобы отвести упреки зарубежных врагов Бичурина и старой русской сиологии в том, что переводчик сокращал, пересказывал текст или делал в нем пропуски, автор статьи провел весьма сложную и ценную работу. Он сверил текст книги с подлинниками. Эта проверка показала высокие достоинства работы Бичурина. Приводя примеры неточностей или спорных мест перевода, проф. Кюнер пишет: «Настоящая проверка показала, как и можно было ожидать, точность и правильность перевода Бичурина» (стр. LXIII). Чтобы помочь нашим исследователям, работающим над той же тематикой, проф. Кюнер приводит список трудов китайских авторов с краткими аннотациями, касающимися освещаемых Бичуриным вопросов.

Следует отметить большой и ценный труд, проведенный коллективом сотрудников при подготовке книг к переизданию, а также и то, что, по видимому, это только начало, и дальше будут собраны и изданы рукописи Бичурина и переизданы его книги и многочисленные статьи. Выход в свет труда Бичурина — еще одно свидетельство многолетней дружбы русского и китайского народов.

Л. В. Симоновская

М. АЛЕКСИШВИЛИ, Афинская рабовладельческая демократия (на грузинском языке). Издательство Тбилисского университета имени И. В. Сталина, 1948, 174 стр.

Автор рецензируемой книги М. Алексивили — один из учеников проф. В. С. Сергеева. Его перу принадлежат книги «Афинская рабовладельческая демократия» и «Александр Македонский», а также ряд статей по древней истории. Под его редакцией изданы грузинские переводы учебников В. В. Струве и В. С. Сергеева. Монография «Афинская рабовладельческая демократия» выросла из кандидатской диссертации автора, которая в свое время заслужила высокую оценку как грузинских специалистов, так и В. С. Сергеева. Последний писал в своей рецензии: «В историчности анализа я считаю главную заслугу работы Алексивили в нашей советской историографии по античному миру»¹.

Проблема демократии, как одной из форм государственного управления, с момента ее возникновения и поныне имеет актуальное политическое и теоретическое значение. «Почти на протяжении двух с половиной тысячелетий, — пишет М. Алексивили, — вопрос о понимании и оценке демократии остается все еще неразрешенным вопросом в социологической науке» (стр. 3).

Это объясняется не сложностью вопроса, а тем, что вопрос о демократии «...исторически лежит в сфере классовых взаимоотношений и борьбы и является вопросом практического управления государством и его строя» (стр. 3). «В этом обстоятельстве кроется причина актуальности вопроса о демократии и невозможность исключения его из сферы социологической науки» (стр. 4).

¹ Оригинал рецензии проф. Сергеева хранится в архиве Тбилисского университета.

В связи с общим вопросом о понимании существа демократии вообще еще большее значение приобретает изучение афинской рабовладельческой демократии. Решению этой проблемы и посвящена монография М. Алексишвили.

Книга состоит из «Введения» и следующих шестнадцати глав: «Вопрос об афинской демократии в древнегреческой историографии» (стр. 14—24); «Аристотель» (стр. 24—33); «Перикл» (стр. 33—38); «Вопрос об афинской демократии в буржуазной историографии XIX и XX вв.» (стр. 38—52); «Краткий обзор развития афинской демократии до реформ Ареопага» (стр. 52—67); «Реформы Ареопага и упразднение тимократической конституции Солона» (стр. 67—70); «Внешняя политика Афин. Отношения с „союзниками“» (стр. 70—82); «Речь Перикла об афинской демократии» (стр. 82—86); «Народное собрание» (стр. 86—98); «Суд присяжных заседателей (гелией)» (стр. 98—107); «Совет пятисот (буле)» (стр. 107—110); «Управление дема» (стр. 110—113); «Магистратура и система управления афинской демократии» (стр. 113—126); «Отношение афинской демократии к рабам и метекам, атимия» (стр. 126—148); «Обострение классовой борьбы в период Пелопоннесской войны» (стр. 148—165); «Афинская демократия и развитие культуры» (стр. 165—174).

Как показывает содержание книги, М. Алексишвили уделил много внимания рассмотрению античной и современной историографии. Автор отмечает, что в понимании и оценке афинской демократии существовали, в конечном счете, два основных направления. Первое направление «...преувеличенно восхваляет афинскую демократию и идеализирует ее». Второе направление «...поносит ее, считая ее самой негодной формой государственного управления» (стр. 8). Наиболее яркими представителями первого направления являются: в древности Перикл, а из буржуазных историков — Грот, Пёльман и др. Типичными представителями второго направления были: в древности — Псевдо-Ксенофонт и Платон, а из буржуазных историков — Нибур, М. Дункер и другие. И одно и другое направление не давало правильной трактовки афинской демократии.

Величайший перелом в истории, произведенный победой Великой Октябрьской социалистической революции и утверждением новой, высшей формы — советской демократии, подобной которой не знала многовековая история человечества, подчеркивает М. Алексишвили, делает вопрос о демократии еще более актуальным и способствует правильному пониманию и оценке афинской рабовладельческой демократии. Автор ссылается на известное положение Маркса о том, что..., «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны... Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной...»¹. Основываясь на этой методологической предпосылке, М. Алексишвили указывает, что советская демократия, как наивысшая форма демократии, дает ключ к правильному пониманию античной демократии, как низшей формы демократии (стр. 13).

В первой главе подробно рассматриваются высказывания древних авторов об афинской демократии. Здесь показано, что большинство греческих философов, историков и писателей, защищая интересы олигархии, отрицательно относились к демократии. Крайними противниками демократии были Сократ и Платон. Последний настолько увлекся своими ложными воззрениями, что пришел к следующему выводу: «...демократия является настолько негодной формой государственного управления, что она портит и уродует не только людей, но даже и животных» (см. стр. 15). Именно антинародностью учения Платона автор объясняет тот факт, что немецкие фашистские историки считали его «истинным основоположником национал-социалистического учения о государстве». Авторронически замечает: «За проповедь этой антидемократической концепции история наказала этого крупного античного философа тем, что... фашистские теоретики „получили повод“ исказать с ним „родства“» (стр. 18).

Далее автор рассматривает взгляды Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха и многих других античных писателей на афинскую демократию. Как было уже указано выше, М. Алексишвили особенно обстоятельно анализирует взгляды Аристотеля: критике отношения Аристотеля к афинской демократии посвящена целая глава книги.

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 219.